

УДК 821.133.1

КОНЦЕПЦИЯ «СЖАТОЙ СПИРАЛИ» В ФИЛОСОФСКО-АЛЛЕГОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ АНАТОЛЯ ФРАНСА «ОСТРОВ ПИНГВИНОВ»

канд. филол. наук, доц. О.Ф. ЖИЛЕВИЧ
(Полесский государственный университет, Пинск)
jilevitch@gmail.com

Анализируется роман Анатоля Франса «Остров пингвинов» – одно из сложнейших произведений, обладающее гротескно-иронической основой и допускающее наличие различных интерпретаций. Сюжет и композиция романа организованы в соответствии с концепцией «сжатой спирали», которая описывает пять взаимосвязанных уровней развития индивида и общества. Витки спирали у А. Франса – это периоды исторического развития Франции: Древние времена, Средние века и Возрождение, Новое время, Новейшее время. Сюжетно-композиционная спираль А. Франса представлена в сжатом виде, так как она переосмыслена и заострена с помощью сатиры и аллегории. Отмечается, что каждый виток спирали отражает универсальные вопросы: общечеловеческие, социально-общественные, милитаристские, антиклерикальные, которые писатель подвергает критике.

Ключевые слова: французская литература, рубеж веков, Анатоль Франс, «Остров пингвинов», концепция, «сжатая спираль», философско-аллегорический роман.

Введение. Конец XIX – начало XX века, так называемый рубеж веков, – особый этап в развитии культуры. Искусство этого периода неоднозначно, двойственно, парадоксально. Литература отличается особой яркостью, насыщенностью, художественным и эстетическим новаторством. Писатели разрабатывали новые подходы изображения человека и мира, чтобы описать быстро меняющуюся действительность. Тематика и проблематика словесного искусства расширились благодаря открытиям ученых в разных областях знания. Философские и социальные концепции О. Конта, И. Тэна, Г. Спенсера, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше активно переносились многими авторами в художественные произведения, обуславливая их поэтику. В литературе этого периода появились новые жанровые разновидности. Большинство исследователей считают, что наиболее значительные трансформации произошли с романом, который был представлен широким спектром жанровых модификаций. Один из способов переосмысления действительности и приватной жизни человека посредством иносказания мы находим в философско-аллегорическом романе – чрезвычайно распространенной форме философского романа.

Самые лучшие писатели рубежа веков обращались к философско-аллегорическому роману для решения важных художественных задач. Среди них Дж. Голсуорси, А. Жид, Т. Манн, Л. Пиранделло, Г. Уэллс, Т. Фонтане, А. Франс. Творчество Анатоля Франса показывает, что философско-аллегорический роман имеет глубокую традицию в национальной литературе Франции. В его произведениях присутствует философское осмысление мира, заостренное приемами сатиры, гротеска, фантастики. Романы «Преступление Сильвестра Боннара» (*Le Crime de Sylvestre Bonnard, 1881*), «Харчевня королевы Гусиные Лапы» (*La Rôtisserie de la reine Pédauque, 1892*), «Остров пингвинов» (*L'Île des Pingouins, 1908*), «Боги жаждут» (*Les dieux ont soif, 1912*), «Восстание ангелов» (*La Révolte des anges, 1914*) – яркие образцы философского романа с превалирующими чертами аллегорической поэтики.

В отношении творчества А. Франса литературоведы предлагают широкую гамму концептуальных подходов: литературно-критические публикации панорамного плана, в которых проза писателя рассматривается в контексте французской литературы рубежа XIX–XX веков (А. Antoniu [1], М.-С. Bancquart [2], А. Beaunier [3], М. Corday [4], F. Brunetière [5], J. Calmettes [6]); исследования, в которых изучается отдельно взятый аспект творчества А. Франса (Е. Tendron [7], М. Barrès [8], J. Levailant [9], F. Brunetière [5]); научные работы, в которых глубоко анализируется конкретное произведение писателя (М.-С. Bancquart [10], J. Brousson [11], В. Foucaud [12]); монографические издания, которые посвящены одному аспекту отдельно взятого произведения (J. Brousson [13], G. Des Hons [14], S. Kéméri [15], J. Suffel [16]). Обзор источников свидетельствует о широком спектре возможностей для изучения творчества А. Франса. Вместе с тем ярко выраженная философско-аллегорическая жанровая доминанта, связывающая его художественные тексты, в литературоведении не осмыслилась с позиции теоретической поэтики жанра.

Цель статьи – выявить специфику концепции «сжатой спирали» как философско-аллегорического жанрообразующего фактора романа «Остров пингвинов» А. Франса.

Основная часть. Художественная специфика произведения А. Франса «Остров пингвинов» определяется мировоззрением и социально-философскими взглядами автора. Прежде чем утвердиться в литературных кругах, будущий писатель успешно проявил себя как талантливый журналист. На протяжении всей карьеры он высказывал ироническое отношение к существующему политическому строю (режиму

Второй империи). В публикациях в изданиях «Времена» (*Temps*) и «Иллюстрированная Вселенная» (*L'Univers illustré*) скептически-пассивные взгляды А. Франса сменяются на резкую критику буржуазной республики, а также углубляется положительное отношение к демократизму.

Одновременно с работой в социалистической прессе (*L'Humanité, Neue Freie Presse*) прозаик участвует в собраниях и митингах, фигурирует в защите Дрейфуса, сближается с ранее неизвестной ему рабочей средой. В предвыборных речах на пост председателя избирательной комиссии Шестнадцатого округа Партии А. Франс блистательно подверг критике лживость обещаний и подлые заговоры монархистов, клерикалов и националистов («О моральной стороне парламентских выборов», 21 декабря 1901 г.; «Речь о свободе выборов», 20 апреля 1902 г.). Прозаик обращался к своим избирателям с убедительностью и проникновенностью: «Les réactionnaires et les cléricaux à demi vaincus ne renoncent point à la lutte, d'autant plus dangereux qu'ils ne se montrent point sous leur véritable visage, qui ferait peur, et qu'ils empruntent, pour séduire la foule républicaine, votre langage et vos discours. Pour les combattre et les vaincre, rappelez-vous, citoyens, que vous devez marcher avec tous les artisans de l'émancipation des travailleurs manuels, avec tous les défenseurs de la justice sociale, et que vous n'avez pas d'ennemis à gauche» [17, p. 39]. («Почти потерпевшие поражение, реакционеры и клерикалы, не отказываются от этой борьбы и становятся еще более опасными, так как прячут своё истинное лицо, соблазняя нас своими лицемерными речами. Чтобы сражаться и побеждать их, помните, граждане, что вы должны идти плечо к плечу с рабочими, со всеми сторонниками социальной справедливости и что у вас нет врагов среди левых». Перевод наш. – О.Ж.). В этом же выступлении, приводя примеры из истории католицизма, А. Франс доказывает, что церковь – одно из самых беспощадных средств реакции, наносящих вред Франции.

Философско-эстетические взгляды А. Франса отчетливо проявляются в его споре с теоретиками «чистого искусства». В изобразительных творениях мастеров автор раскрывает проявление народного гения, ратует за усиление демократизации культуры. Будучи скептиком и эпикурейцем, он выступает за распространение боевого гражданского искусства. Итак, патетика, гневный пафос, язвительный сарказм, ирония, резкий сатирический гротеск публицистики писателя – всё это подготовило основу для создания и нашло отражение в своеобразии художественных произведений автора. Роман «Остров пингвинов» является ярчайшим образцом синтеза перечисленных выразительных средств и приемов.

«Остров пингвинов» – это пародия на историю человечества, образцом которой писателю служила история Франции. На страницах романа автор стремился выявить наиболее типичные черты развития капиталистического общества рубежа веков. Композиция романа кольцевая, структурно произведение поделено на восемь книг, которые, в свою очередь, поделены на главы или параграфы. Наименьшее количество глав в книге четвертой – всего три главы, а наибольшее – во второй (тринадцать глав). Сюжет и композиция произведения организованы в соответствии с концепцией «сжатой спирали», которая описывает пять взаимосвязанных уровней развития индивида и общества. Каждому уровню соответствует своя специфика мировоззрения, свои культурные ценности, приоритеты и убеждения. Развиваясь, общество переходит с уровня на уровень под влиянием условий жизни. Когда условия существования человека меняются, эта трансформация способствует пересмотру базовых ценностей и убеждений. Проблемы, которые не могут быть решены в рамках текущей системы ценностей, заставляют общество подниматься на очередной виток спирали.

Витки спирали у А. Франса – это периоды исторического развития Франции: Древние времена, Средние века и Возрождение, Новое время, Новейшее время. Однако в романе автор не дает исторические подробности, не излагает в последовательности исторические события. В романе сюжетно-композиционная спираль А. Франса представлена в сжатом виде, так как переосмыслена и заострена с помощью сатиры и аллегории. Все витки спирали подводят к основной проблеме – раскрытие пороков человеческой действительности, из чего можно заключить фрагментарность композиции, краткость некоторых разделов (к примеру, Великой французской революции 1789 года уделено лишь несколько строк).

Рисунок. – Графическое изображение концепции «сжатой спирали» в романе «Остров пингвинов» А. Франса

Произведению предшествует предисловие, в котором в гротескной форме писатель вводит фигуру повествователя – некоего Жако Философа, тем самым автор профанирует самого себя: «Ce même Jacquot le Philosophe composa une sorte de récit moral dans lequel il représentait d'une façon comique et forte les actions diverses des hommes; et il y mêla plusieurs traits de l'histoire de son propre pays» [18, p. 13] («Упомянутый Жако Философ составил нечто вроде нравоучительного рассказа, где с большой комической силой были изображены разные деяния человечества; для этого рассказа он позаимствовал многие черты из истории своей собственной страны, своего народа» [19, с. 9]). С первых строк автор играет с читателем, так как очевидно соответствие между Жако Философом и самим писателем – Жаком-Анатолем Тибо (настоящее имя А. Франса). Прозаик стремится представить Жако Философа своим художественным «вторым Я». Прозвище «философ» в данном случае также показательно с учетом биографии писателя и его связи с философией. Повествование от первого лица в предисловии способствует взаимодействию автора и читателя, имеет доверительную интонацию. Писатель выступает в качестве компетентного рассказчика. Читатель, который направляется за я-повествователем, одновременно ощущает свою причастность к произведению. Однако уже в первой главе, а также и в последующих главах, на следующем витке спирального развития действия романа А. Франс ведет речь от третьего лица. В повествовании от третьего лица рассказчик выступает как человек, который знает больше, чем я-повествователь. К примеру, в эпизоде, когда праведник Моэль демонстрирует свою добродетель, сделав колокольчик и отправив его святой Бригите: «Maël fondit pour elle une clochette d'airain et, quand elle fut achevée, il la bénit et la jeta dans la mer. ... Ainsi le saint homme Maël marchait de vertus en vertus» [18, p. 17] («Маэль отлил для нее [св. Бригиты] медный колокольчик и, закончив работу над ним, благословил его и бросил в море. Так праведник Маэль совершенствовался в добродетелях» [19, с. 17]). Автор словно наблюдает со стороны за действием в произведении, иронизируя по поводу поступков персонажей.

В «Острове пингвинов» прозаик обращается к универсальным вопросам, заостряя их с помощью сатиры и прозрачной аллегии. Создавая при этом сюжетно оттянутые ситуации, далекие от реальности, автор добивается фокусирования внутренней идеи повествования. В романе каждый виток спирали из истории человечества соответствует тому или иному вопросу, подвергающемуся критике со стороны писателя. Началом цепочки нелепостей, в которую под пером А. Франса превращается история человечества, служит рассказ о возникновении общества пингвинов. Зачатком их «цивилизованной жизни» явилась ошибка подслеповатого святого Маэля, который случайно крестил пингвинов, приняв издали за людей. Автор кладет несообразность в основу приобщения пингвинов к человеческому существованию. По задумке автора, существование пингвинов, якобы имеющих ироническое внешнее сходство с человеком, отражает в сжатой форме многовековую человеческую цивилизацию.

На первом плане в «Острове пингвинов» общечеловеческие, социально-общественные, антивоенные и антиклерикальные вопросы. Осуждение А. Франсом общественно-социального строя (частной собственности и государственной власти, религии и церкви, армии и суда, науки и культуры) носит всеобъемлющий характер. В книге «Древние времена» (*Les temps anciens*) прозаик гротескно изображает, как закладывались основы цивилизации и создавалось право собственности на землю и владения: «Regarde, mon fils Bulloch, du côté de la Surelle. Il se trouve précisément dans la fraîche vallée une douzaine d'hommes pingouins, occupés à s'assommer les uns les autres avec des bêches et des pioches dont il vaudrait mieux qu'ils travaillaient la terre. Ces pingouins que vous voyez, ô maître, s'approprient des terres.» [18, с. 59] («Смотри, сын мой, – воскликнул он, – смотри, как яростно вон тот пингвин впилил зубами в нос своего поверженного противника, а другой может голову женщине огромным камнем! – Вижу, – отвечал Буллок. – Они заняты тем, что создают право, устанавливают собственность, утверждают основы цивилизации, устои общества и законы. Это начало всякого общественного порядка» [19, с. 63]). Автор рисует картины борьбы пингвинов за собственность предельно жестокими и беспощадными: пингвин Греток ударом дубины по голове убил своего более слабого соседа и захватил его землю.

В романе иронически переосмыслена деятельность пингвинской королевской династии Драконов, что структурно соответствует книге «Средние века и Возрождение» (*Le Moyen âge et la Renaissance*). Во фрагментарных образах представлены члены царствующей семьи, поведение и поступки которых показаны нелепыми и бессмысленными: Бриан Благочестивый, любивший петь хвалебные песни героям и предававший смерти всякого, кто пел лучше его; Боско Великодушный, который, якобы заботясь о судьбе престола, уничтожил всю свою родню; Драко Великий, получивший громкую славу своими постоянными военными поражениями; королева Крюша, восплававшая любовью к конюху и сделавшая его главнокомандующим.

Проблема разрушительных войн, сопровождающих всю человеческую историю, также приобретает особую заостренность на страницах романа. Гротескный образ Тринко, под которым подразумевается личность Наполеона, напоминает вояк Рабле: «Il levait des troupes dans tous les pays qu'il avait conquis et, quand défilaient ses armées, à la suite de nos voltigeurs philomaques ... on voyait des guerriers jaunes, pareils, dans leurs armures bleues, à des écrevisses dressées sur leurs queues; ... des gorilles, se soutenant d'un tronç

d'arbre...» [18, p. 141] («Он вербовал войска во всех завоеванных странах, и на смотрах вслед за частями нашей войнолюбивой пехоты,... двигались желтолицые воины в синих доспехах, подобные вставшим на свой хвост ракам; ... гориллы, опирающиеся на дубину из цельного древесного ствола...» [19, с. 156]). Прозаик обличает также и милитаристическое представление французского полководца о военной славе посредством сатирического образа малайского властителя, путешествующего по Пингвинии. Наивный, не связанный европейскими условностями, махараджа Джамби дискредитирует консервативные представления о военных походах и подвигах. Художественный прием отстранения позволяет автору сыграть на контрасте: вместо героической гвардии, эффектных батальных сцен, победоносного полководца читатель видит жалкие послевоенные будни, неизбежное физическое и моральное вырождение, которыми народ расплачивается за завоевательную политику своих правителей. «Он (Тринко) оставил после себя Пингвинию обнищавшей и обезлюдившей. После его падения в нашем отечестве остались только горбатые да хромые, от которых мы и происходим» [19, с. 167] – иронизирует А. Франс.

В романе антивоенная тематика пересекается с социально-общественной и затрагивается в эпизоде путешествия в Новую Атлантиду (явный намек на США) ученого Обнюбия, когда он наивно считает, что в этой развитой стране нет места культу войны, с которым он не мог примириться у себя в Пингвинии. Однако после посещения новоатлантического парламента, где государственные мужи голосовали за объявление войны Изумрудной республике, добиваясь мировой гегемонии в торговле окороками и колбасами, его иллюзии сразу развеялись. Таким образом, А. Франс указывает на связь между империалистической политикой и капитализмом. Монархическая авантюра эмира Шатийона (генерала Буланже), «дело Пиро» (дело Дрейфуса), коррупция правителей и чиновников (граф Дандоленкс – граф Эстергази, которого следовало посадить на скамью подсудимых вместо Дрейфуса, Робен Медоточивый – премьер-министр Медии, Лаперсон и Лариве – Мильеран и Аристид Бриан), предательство лжесоциалистов, заговоры роялистских молодчиков, которым потворствовала полиция, – все эти «махинации» Третьей республики прозаик переосмысливает в своем романе с известной долей сарказма и горечи. Как видим, А. Франс сочетает в своем произведении подлинный материал с вымыслом.

Несмотря на приверженность социалистическим идеям, А. Франс не идеализирует французских социалистов. Выведя их под именами Феникс, Сапор, Лаперсон, Лариве, автор показывает плачевный разброд в их стране, их неспособность возглавить движение трудящихся масс Франции. Прозаик передает в речи доктора Обнюбия свое разочарование и сомнение в существовании справедливого демократического строя: «Мудрец должен запастись динамитом, чтобы взорвать эту планету. Когда она разлетится на куски в пространстве, мир неприметно улучшится и удовлетворена будет мировая совесть, каковой, впрочем, не существует...» [19, с. 188]. Утверждение, что земля, взрастившая позорную капиталистическую цивилизацию, заслуживает уничтожения, приводится с иронической оговоркой о бессмысленности такого уничтожения.

Мрачный вердикт и скептическое замечание определяют финал произведения: заключительное повествование пронизано всплеском социального недовольства и неиссякаемой иронией писателя. В книге восьмой «Будущее» («История без конца») (*Les temps futurs / L'histoire sans fin*) пингвины после социальных потрясений возвращаются к своему первобытному порядку, некоторое время ведут мирную жизнь на развалинах крупных сооружений, однако в этой идиллии снова появляются насилие и убийство – предвестники будущей антигуманной «цивилизации». И снова человечество осуществляет свой путь по следующему витку спирали. Идея прозаика о вечном и бессмысленном круговороте истории усиливается кольцевой композицией книги: она начинается и заканчивается одними и теми же словами.

Кроме социальных проблем, особую заостренность в романе приобретает антиклерикальная тематика. В «Острове пингвинов» атеистические и антицерковные убеждения писателя достигают саркастического апогея. Автор иронизирует в отношении смехотворного промаха подслеповатого проповедника Маэля и живописует ученую дискуссию на небесах, в которой принимают участие отцы церкви, наставники христианской веры, святые подвижники и даже сам господь бог: «Plusieurs docteurs demandaient la parole; d'autres la prenaient. Personne n'écoutait et tous les confesseurs agitaient tumultueusement leurs palmes et leurs couronnes. Le Seigneur, d'un geste de sa droite, apaisa les querelles de ses élus» [18, p. 55] («Многие ученые мужи стали просить слова. Другие брали, не спрашивая. Никто никого не слушал, и все исповедники шумно размахивали пальмовыми ветвями и венками. Господь мановением десницы утихомирил своих избранных» [19, с. 69]). А. Франс противопоставляет различные положения христианства, показывая их противоречивость и даже абсурдность: «Les pères grecs contestaient avec les latins véhémentement sur la substance, la nature et les dimensions de l'âme qu'il convenait de donner aux pingouins» [18, p. 46] («Греческие отцы церкви яростно спорили с римскими относительно сущности, природы и размеров души, которую надлежало дать пингвинам» [19, с. 50]). Писатель нарочито смешивает в речи эмоциональных спорщиков пафосный язык Библии, казенное красноречие судейских крючкотворов и грубую лексику ярмарочных зазывал: «C'est un vieil étourdi, s'écria en haussant les épaules saint Adjutor d'Alsace. Mais le Seigneur, tournant sur Adjutor un regard de reproche: – Permettez, dit-il: le saint homme Maël n'a pas comme

vous, mon bienheureux, la science infuse. Il ne me voit pas. C'est un vieillard accablé d'infirmités; il est à moitié sourd et aux trois quarts aveugle. Vous êtes trop sévère pour lui» [18, p. 40–41] («Легкомысленный старик! – воскликнул, пожимая плечами, св. адьютор Эльзасский. Но господь укоризненно взглянул на адьютора и сказал ему: – Позвольте, позвольте! Ведь святой Маэль, в отличие от вас, блаженный муж, не наделен дарованным свыше знанием. Я недоступен его лицемерию. Он обременен старческими немощами, наполовину глух и на три четверти слеп. Вы слишком суровы к нему» [19, с. 44]).

Высшая степень проявления антиклерикальных настроений писателя отражается в истории Орбозы, особо почитаемой пингвинской святой, культ которой возник из сочетания наглости, корысти, обмана и невежества: «Peu de jours auparavant la vierge Orberose avait disparu. On ne s'était pas inquiété tout de suite de son absence parce qu'elle avait été enlevée plusieurs fois par des hommes violents et pleins d'amour. Et les sages ne s'en étonnaient pas, considérant que cette vierge était la plus belle des Pingouines. On remarquait même qu'elle allait parfois au devant de ses ravisseurs, car nul ne peut échapper à sa destinée» [18, p. 69] («А за несколько дней до того пропала дева Орбоза. Ее хватились не сразу, так как и прежде то один, то другой сильный мужчина, восплавав к ней любовью, похищал ее. И пингвинские мудрецы не удивлялись этому: ведь она была прекраснейшей из дев Пингвинии. Было замечено, что иногда она даже шла навстречу своим похитителям: ведь от судьбы не уйдешь» [19, с. 48]). В данном случае А. Франс высмеивает культ св. Женеьевы, которую католическая церковь признает покровительницей Парижа, а также обращается к истокам всех подобных легенд.

Прозаик рассматривает религию как инструмент политического воздействия, а католическую церковь как союзницу расистов и монархических авантюристов Третьей республики, а также утверждает, что религия притупляет народное сознание. Образ развратницы и обманщицы Орбозы, пользующейся религиозным почетом, получает в «Острове пингвинов» предельно разветвленную и обобщенную трактовку: культ св. Орбозы здесь искусственно возрождается светской чернью нового времени, чтобы служить делу реакции. Таким образом, А. Франс придает религиозной проблематике острейшую злободневность.

Заключение. Основу философско-аллегорического романа «Остров пингвинов» составило осмысление автором истории и тех путей, которыми должно идти человечество, а также возможности и целесообразности переустройства социального порядка. Произведение является своеобразным итогом размышлений писателя над судьбами человеческой цивилизации. Сюжетно-композиционная организация романа представляет собой «сжатую спираль», которая описывает шесть взаимосвязанных уровней развития индивида и общества. Витки спирали у А. Франса – в сжатой форме, так как основные этапы истории Франции переосмыслены с помощью сатиры. В прозрачных аллегориях прослеживаются важные факты французской истории и ее деятелей (к примеру, столетняя война пингвинов с дельфинами – Столетняя война Франции и Англии; заговор Шатийона – попытка государственного переворота Буланже; дело о похищении 80 тысяч копен сена – дело Дрейфуса; Драко – Карл Великий, Гринко – Наполеон, Феникс – Жорес). Все витки спирали подводят к основным проблемам: общечеловеческим, социально-общественным, антивоенным, религиозным. Социальная критика Франса носит всеобъемлющий, универсальный характер и распространяется на все уровни общества: частную собственность и государственную власть, религию и церковь, армию и суд, науку и культуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Antoniu, A. Anatole France, critique littéraire / A. Antoniu. – Paris : Boivin, 1929. – 268 p.
2. Bancquart, M.-C. Anatole France polémiste / M.-C. Bancquart. – Paris : Nizet, 1962. – 344 p.
3. Beaunier, A. Critiques et romanciers / A. Beaunier. – Paris : Crès, 1924. – 134 p.
4. Corday, M. Anatole France d'après ses confidences et ses souvenirs / M. Corday. – Paris : Flammarion, 1927. – 202 p.
5. Brunetière, F. Essais sur la littérature contemporaine / F. Brunetière. – Paris : Calmann-Lévy, 1892. – 306 p.
6. Calmettes, J. Leconte de Lisle et ses amis / J. Calmettes. – Paris : Librairies et imprimeries réunies, 1902. – 180 p.
7. Tendron, E. Anatole France inconnu / E. Tendron. – Liège : CEFAL, 1995. – 328 p.
8. Barrès, M. Anatole France / M. Barrès. – Paris : Charavay, 1883. – 216 p.
9. Levaillant, J. Les Aventures du scepticisme, essai sur l'évolution intellectuelle d'Anatole France / J. Levaillant. – Paris : Colin, 1965. – 265 p.
10. Bancquart, M.-C. Anatole France, un sceptique passionné / M.-C. Bancquart. – Paris : Calmann-Lévy, 1984. – 288 p.
11. Brousson, J. Anatole France en pantoufles / J. Brousson. – Paris : Crès, 1924. – 210 p.
12. Foucaud, B. L'oeuvre d'Anatole France: à la recherche d'une philosophie du monde par l'écriture du Désir / B. Foucaud. – Angers : Université d'Angers, 2001. – 615 p.
13. Brousson, J. Itinéraire de Paris à Buenos-Ayres / J. Brousson. – Paris : Crès, 1927. – 210 p.
14. Des Hons, G. Anatole France et Racine / G. Des Hons. – Paris : Le Divan, 1925. – 320 p.
15. Kéméri, S. Promenades d'Anatole France / S. Kéméri. – Paris : Calmann-Lévy, 1927. – 277 p.
16. Suffel, J. Anatole France / J. Suffel. – Paris : Le Myrte, 1946. – 354 p.

17. France, A. Trente ans de vie sociale : 3 t. / A. France ; éd. C. Aveline et H. Psichari. – Paris : Emile Paul et Cercle du Bibliophile, 1949-1969. – Т. 2. – 370 p.
18. France, A. Œuvres complètes : 4 t. / A. France ; éd. Marie-Claire Bancquart. – Paris : Bibliothèque de Pléiade, Gallimard. – Т. 4. – 1994. – 450 p.
19. Франс, А. Остров пингвинов. Боги жаждут / А. Франс // Собр. соч. : в 4 т. – М. : Худож. лит., 1984. – Т. 3. – 428 с.

Поступила 27.06.2018

THE CONCEPT OF «CLOSE SPIRAL» IN ANATOLE FRANCE'S PHILOSOPHICAL AND ALLEGORICAL NOVEL «PENGUIN ISLAND»

O. JILEVICH

The article is devoted to the analysis of Anatole France's novel "Penguin Island". This novel is one of the most difficult works possessing the grotesque-ironic basis that allows the existence of various interpretations. The storyline and composition of "Penguin Island" are organized in accordance with the concept of a "close spiral" describing five interrelated levels of development of the individual and society. By A. France the spiral turns are periods of historical development of France: Ancient times, Middle Ages and Renaissance, New time, The newest time. The storyline-compositional spiral is presented in a condensed form, as it is reinterpreted and sharpened with satire and allegory. In the novel, each turn of the spiral reflects some universal questions such as panhuman, socially-public, militaristic, anticlerical which the writer criticizes.

Keywords: French literature, the turn of the century, Anatole France, "Penguin Island", the concept of the "close spiral", philosophical and allegorical novel.